

Роман Уроборос

Заклание- Шарко

Роман-пьеса

Роман Уроборос
Заклание-Шарко

«Издательские решения»

Уроборос Р.

Заклание-Шарко / Р. Уроборос — «Издательские решения»,

Россия, Сибирь. 2008 год. Сюда, в небольшой город под видом актеров приезжают два неприметных американца. На самом деле они планируют совершить здесь массовое сатанинское убийство, которое навсегда изменит историю планеты так, как хотят того Силы Зла. В этом им помогают местные преступники и продажные сотрудники милиции. Но не всем по нраву этот мистический и темный план. Ему противостоят члены некоего Тайного Братства. И, конечно же, наш главный герой, находящийся не в самой лучшей форме.

© Уроборос Р.

© Издательские решения

Содержание

Заклание-Шарко	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Заклание-Шарко

Роман-пьеса

Роман Уроборос

© Роман Уроборос, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заклание-Шарко

*«Идет-бредет по свету мой любимый Бог,
Идет-бредет и песенки поет,
Но если кого встретит – то сразу убьет,
А так – вполне приличный Бог.*

*И я ходил по свету, и я песни пел,
Смотрю – навстречу кто-то идет,
Последнее, что я подумать успел:
«Оле, але, Россия – вперед!»*

*Соль фа ми (бемоль) ре до си ля си до соль до,
Соль фа ми (бемоль) ре до си ля си до,
Соль фа ми (бемоль) ре до си ля си до соль до,
Соль фа ми (бемоль) ре до си ля си до.*

Солнце садится над сибирскими просторами. Петр сидит на балконе своего дома. Он щурится, смотрит на солнце сквозь ресницы. Ему хорошо. Осень. Сентябрь. Рай. Он сидит, ни о чем не думает. Мысли исчезли. Он вспоминает детство. Вся гадость мира, которую он день ото дня употреблял через отверстия своего тела, ушла куда-то, испарилась, улетучилась, да и мир сам изменился до неузнаваемости. «Ушло всё, улетучилось, легкость невообразимая в пространстве разлилась», – думает Петр невесело, и после этой мысли его странной все встало на место. Вспомнил – кто он, зовут его как. Сразу навалились дела, воспоминания разные погрузили его в пространство-время постоянное. Пот покатился по телу горячему. Нога заболела, локоть. Живот заурчал неутешительно. Любка сразу вспомнилась. Глаза-угольки её, ноги безумно-гладко-красивые, грудь, плечи, взгляд детский беззащитно-бл. дский. «Ведьма, сука, ненавижу», – привычная мантра, вот уже четыре года повторяемая, опять всплыла. Начал гнать Любкин святой образ. «Давай лучше об Ольке-Жанне-Вике-Зое», – соломинка начала спасать все отчетливее. Грудь Оли, живот Жанны, крик Вики, стон Зои. «Надо выпить портвейна». Встал, вошел в комнату, наклонился, с удовольствием достал бутылку. Откупорил дорожкой шутовщиной, подаренной на день рождения братом-миллионером. «Да, братишка, денег наворовал народных, а мать с днем рождения забываешь поздравить». Бутылка прохладная в руку легла привычно, стакан, дешевенький такой, – сок из него обычно пьют, наполнился прекрасно пьянящей злой жидкостью. Залп. Горячее в кровь, в мозг, в живот. «Ха...» Портвейн обычным своим невесело щемящим, плачущим пламенем пополз. «Только, пожалуйста, ну не звони сегодня Любке, не звони, не звони, не звони! Очень тебя прошу! Я понимаю, прятать телефон бесполезно, даже разбирать на части его, а потом эти части прятать под ковер, под телевизор, даже в шкаф – бесполезно. Все равно потом все находишь, собираешь и звонишь, звонишь, звонишь. И нет, чтобы сказать, люблю мол, жить без тебя не могу – только молчишь в трубочку, сопишь, а то и трубку эту самую бросишь еще до того, как она ответить успела. И вот ведь, идиот, мобильный номер твой определяется, знает она, что это ты, безмозглый истукан, звонишь... Черт, черт, черт! А-а-а-а-а». Второй стакан быстро, без эмоций. Взял графин с водой, запил. Водичка холодная оживила сразу, но ненадолго. Третий. «Не любит, не любит, не любит. А зачем она вот тогда...» Половинка стакана. Бутылка летит на пол. «Меня, между прочим, Петр зовут. – Очень приятно. Люба». Две минуты с трудом отжимался на двух руках. Вроде отпустило. «Так, на день рожденья к Василичу ехать надо». Быстро нашел взглядом подарок, купленный вчера и заботливо завернутый в зеленую веселенькую бумажку. Взял его, вышел из комнаты, из подъезда вышел, подошел к машине, открыл дверь и кинул подарок на зад-

нее сиденье, вернулся в дом. Потом побрил очень невеселую, с недобрый взглядом физиономию, одеколончиком с очень неприятным запахом побрызгал на свое тело. Мобильник звонит. «Не Любка. Сто процентов. Вот когда вместе работали – Петр Валентинович, вы сейчас можете говорить, я вас не отвлекаю? ... Когда все бросил и в Сибирь уехал – х.й! Ни звонков, ни узнать, как дела, ни поздравлений с днем рождения. Я, правда, тоже ее с днем рождения как уехал – ни разу не поздравил. Фотографий ее только с десятков на стены налепил. Фотографии – слов нет! Какая же она красивая... каждую ночь снится, уже на протяжении четырех лет. Писем ей с признаниями в любви написал с десятков, наверное. И ни одно не отправил... У-у-у-у-у».

ЗОЯ. Привет, Петенька!

ПЕТЯ. Привет, зайчика!

ЗОЯ. Я должна тебя сегодня увидеть, зайчик мой!

ПЕТЯ. (Тихо себе под нос). Зайчик прыгает по полянке, ищет морковь. (Громко). Зой, извини, сегодня не получится. Я к родителям обещал заехать. Я у них уже два месяца не был. Мать обижается. Поужинаю у них, и спать там останусь. А до этого загляну минут на тридцать к Василичу, с днем рождения его поздравлю. Не грусти, зайчик мой, на следующей неделе обязательно встретимся.

ЗОЯ. Тогда мы сегодня обязательно увидимся. Я тоже буду на дне рождения.

ПЕТЯ. Одна или с кавалером?

ЗОЯ. С кавалером.

ПЕТЯ. Во как. Слушай, у меня вторая линия бьется. Вечером тогда увидимся, поговорим.

ЗОЯ. Я тебя целую. Зайчик мой.

ПЕТЯ. Я тебя тоже, пока.

«Вот если бы Любка мне позвонила и сказала: «Я хочу к тебе приехать, мальчик мой!» Что бы я ответил? Я бы ответил: «Да, приезжай ко мне, любовь моя, я так долго ждал...»
Опять НеЛюбка.

БЛЭК. Привет. Ты к Василичу на День Рождения едешь?

ПЕТЯ. Хороший вопрос. Как ты думаешь, что должно случиться, чтобы я не поехал?

БЛЭК. А где он его праздновать будет?

ПЕТЯ. В центре Евразии. (Смеется). На заводе закрытом мистическом. Да. Который он так опрометчиво купил. Он там собрался как-то все очень модно устроить. Молодежи будет много, ди-джеи какие-то немецкие, «Айн, цвай полицай» там... вообще, все как он любит – с размахом... ну там, Ленка с подругами

БЛЭК. Понял... Адрес дай!

ПЕТЯ. Какой адрес? Едешь до поворота на «Золотые ключи», только не поворачиваешь, а едешь прямо и упираешься в завод. Ты как будто не здесь родился.

БЛЭК. ОК! Слушай, а ты позавчера Вику-то эту трахнул?

ПЕТЯ. Да.

БЛЭК. Ну, и как она?

ПЕТЯ. Все как обычно. Ничего выдающегося.

БЛЭК. Ты с ней или с Зоей приедешь?

ПЕТЯ. Нет, я один. Там новая подружка Ленкина будет – очень перспективная дамочка. Зоя и Вика сами приедут.

БЛЭК. Ладно, до встречи. Рад был слышать.

ПЕТЯ. Пока.

Солнце багряно-страшное садится уже над страной любимой. Петр сел на пол, глаза прикрыл. «Люблю это время года, больше всего на свете люблю быть в это время года в этом месте, несказанно страшно-сладко мне становится в это время, энергии невероятные, дрожь по всему телу с утра до ночи, сладко мне, Любочка, золотой мой человечек любименький, пусть у тебя все хорошо в жизни будет, счастье мое ненаглядное». Красно-желто-зеленые деревья мрачные погружались в теплую синь. Не видно солнца, уже последние лучики цепляющиеся от него исходят. Петр начал засыпать.

«Папа, папа, слышишь, гудит так у-у-у-у-у». – «Нет, доченька, не слышу». – «Это смерть».

АНАТОЛИЙ. На самом деле разницы между «Пепси-колой» и «Кока-колой» никакой нет. Вот если тебе глаза завязать и поставить две банки – одну с «Пепси», другую с «Кокой» – хрен ты различишь где «пепси», где «не-пепси». Это, на самом деле, и есть знаменитый англо-американский развод. У них там один хрен тори-мори, демократы-республиканцы, – разницы никакой, названия разные, а ничего не меняется. Всегда одно и то же. Однако, гандоны, мотаются по всему миру и рассказывают, суки, как всем жить надо. К нам, бл. дь, лезут со своими советами: тоталитаризм возвращается, свертывание демократии, свободы нарушаются. Да пошли они на х.й, козлы! Сидите там, в Америке своей гребаной, в Англии, а к нам в Россию не суйтесь! Мы без вас, ослов, разберемся, как нам здесь жить, кого выбирать и как свои бабки здесь распределять! Мы еще Америке этой покажем – как к нам лезть, как подводные лодки наши топить! Не учите нас жить. Ну, вот так как-то все.

АЛЕКСЕЙ. Ладно, Вась. Не заводись. Вроде не пил.

АНАТОЛИЙ. Да обидно, Вась. Ну, чего они до нас докопались – президент им наш не нравится. Мне нравится – самое главное. Я за него голосовать ходил, мне Россия нравится, а америкосы на х.й пошли! Вот так как-то...

АЛЕКСЕЙ. Ладно, Вась, давай о деле.

АНАТОЛИЙ. (Тяжело вздыхает). Боюсь я, Вась. Там в итоге пятнадцать—двадцать трупов будет. Бойня прям, и – не самых последних людей в городе. Замять нереально. Из Москвы сто процентов следственная группа приедет, копать будут, каждый миллиметр под лупой рассмотрят. Нас с тобой закроют сразу. Вот так как-то.

АЛЕКСЕЙ. Уан миллион долларов.

АНАТОЛИЙ. Чего?

АЛЕКСЕЙ. Миллион долларов.

АНАТОЛИЙ. Ну да. Ну да.

АЛЕКСЕЙ. Мы потом америкосов этих застрелим. Не ссы. Скажем, что мы за бухлом поехали. А потом вернулись, а эти идиоты людей режут, на нас прыгнули, ну мы их и...

АНАТОЛИЙ. Ладно, Вась. Расскажи снова. Только медленно.

АЛЕКСЕЙ. Ну, чего. Это два на всю голову отморозенных американца, батя у одного миллиардер, у другого – сенатор. Они короче свихнулись на тему третьего рейха. Типа гестапо, СС. Хрен разберешь. И ездят они по странам третьего мира и типа холокост устраивают. Вают там из автоматов немецких как в кино, из парабеллумов. При этом одеваются в эсэсовскую форму. А потом всем бошки отрезают – скальпы, кожу снимают. Ну, в итоге черепушки одни остаются, а они их потом как-то через таможню провозят... за бабки, естественно. И звать они себя велят Ганс и Отто, хотя по паспортам их по-другому зовут... я уж не помню. Вообще, Ганс хвастался, что у него там шестьсот с чем-то черепушек на ранчо валяются.

АНАТОЛИЙ. Слушай, Вась, может, начальника моего в долю возьмем? Он типа как крыша. Как-то все вообще...

АЛЕКСЕЙ. А зачем делиться? Он, может, скажет лимон. А у нас всего лимон. С Гансами не поторгуешься.

АНАТОЛИЙ. Ладно. Только деньги по любому вперед. Вот так как-то.

АЛЕКСЕЙ. Уже взял.

АНАТОЛИЙ. Куда положил?

АЛЕКСЕЙ. В ячейку нашу.

АНАТОЛИЙ. Слушай. Вась, может, кинем их или завалим? Два трупа как-то вообще лучше, чем там пятнадцать—двадцать.

АЛЕКСЕЙ. Нельзя. Люди серьезные за этим смотрят. Если дело не сделаем – самих завалят.

АНАТОЛИЙ. А кто это?

АЛЕКСЕЙ. Ну, серьезные пассажиры. Я им денег много должен... Вот они и сказали: если все сделаю, как надо – и долг простят, и лимон можно забирать.

АНАТОЛИЙ. Ну, а как мы их застрелим, Гансов твоих, если как-то люди серьезные, говоришь, смотрят?

АЛЕКСЕЙ. Ладно, черт внимательный, слушай... Люди эти мои серьезные не хотят, чтоб Гансы наши из страны уехали. Ну, мистика там какая-то... Мне, когда рассказали, не поверил сразу, крыша чуть не поехала. (Понижая голос). Ганс с Отто не простые пассажиры... короче, миссия у них там какая-то атлантическая. Будто Евразия с Америкой какую-то битву ведут уже тысячу лет, и все с переменным успехом. И вот для того, чтобы Америка выиграла, Ганс с Отто должны в определенном месте секретном, в Америке, выложить пирамиду из шестисот шестидесяти шести черепушек и заклинание особое сказать. Тогда все, пипец, Америка как бы войнушку эту выиграет и будет миром править до страшного суда. А самое главное, что у них до числа зверя этого пятнадцати черепушек не хватает, и они, черепушки эти, обязательно должны из России быть. Тогда все у Ганса с Отто получится.

АНАТОЛИЙ. Красиво. Как-то я одного не понимаю. Если Америка с нами воюет, причем здесь Отто, Ганс, гестапо, СС, форма немецкая? Это ж все как-то из Германии пошло.

АЛЕКСЕЙ. Вась, я смотрю, ты мужик умный, а все в милиции работаешь. Я тоже у моих этих спросил. А они говорят, что вся эта фашистская хреновина в Америке придумалась, чтоб Гитлера со Сталиным сравнить, обесточить, короче, Евразию, ну, и Америка в фаворе. Так что самые истинные изначальные фашисты-нацисты на самом деле в Америке. Атлантисты переодетые.

АНАТОЛИЙ. Пидорасы они, Вась. Вот я и говорю, что американцы – это самые поганые твари на земле. К нам еще лезут, суки.

АЛЕКСЕЙ. Ладно, Вась, хорош. Давай о деле. На вечеринке у олигарха нашего должно быть пятнадцать человек – ни больше, ни меньше. А он девятнадцать пригласил – это, правда, вместе с охраной... ну, точнее, двадцать один человек – если нас с тобой считать. На эту тему у меня есть один план...

АНАТОЛИЙ. Вась, чего-то ты темнишь. Да и глазки у тебя бегают. А ну, правду говори.

АЛЕКСЕЙ. (Преувеличенно дружелюбно улыбаясь). Вась, я же не договорил. Слушай до конца. Ну, вот. Из этих моих людей серьезных как бы один отдельно вышел, с отдельной просьбой. И просил, чтобы никто об этом не знал, ни одна живая душа.

АНАТОЛИЙ. Ну.

АЛЕКСЕЙ. Он дает сто тысяч долларов, чтобы Антона и его банды на дне рождения не было. Странная просьба, да?

АНАТОЛИЙ. Так. Какая разница, за что нам денег заплатят? Насколько я тебя знаю, ты деньги уже взял? (Улыбается).

АЛЕКСЕЙ. (Улыбается). Да, взял и в ячейку положил. А теперь слушай мой план.

Разговор этот уединенный происходит за столом деревянным неотесанным. На столе стоят две банки с «Колой» и на краешке стола одиноко белеет блюдечко с орешками арахисами солеными, посредине стола обматывает всю картину паутиной энергетической и не дает миру рассыпаться пепельница, до краев наполненная окурками. Рядом сидят на двух табуретах деревянных, родственных столу неотесанному, два человека – Анатолий и Алексей. Анатолий – брюнет-черт-дьявол черноглазый, Алексей – блондин-ангел-полубог голубоглазый. Дальше выплывают из небытия четыре пустых брата-стола с родственниками стульями водящими. Вся танцевальная группа упирается-умирает в барную стойку и бармена, описывать которого не хочется, а попросту даже лень. Но самые главные символы как обычно висят на стенах в виде картин, на которых происходят сцены зимней охоты. Картины эти силком затягивают в детство, в блаженство, во что-то очень хорошее, родное и теплое, в фильм «Солярис», в Баха, в старую дореволюционную Москву, в первую любовь.

«Петьку, конечно, жалко очень, но он все равно при таких темпах бухания долго не протянет...»

На Ленку смотрело очень красивое свежее молочное девичье лицо. Небесно-голубые глаза, в которых сосредоточилась вся любовь этого мира и посреди этого океана любви безбрежной – два зрачка-гвоздика черных, где сосредоточилась вся нелюбовь мира. Как всегда, после долгой медитации перед зеркалом очень трудно возвращаться обратно, снова ощущать кожей этот неблагоприятно-серый мир, где ей приходится периодически вытаскивать себя рукой за чубчик ослепительно-соломенных короткостриженных волос, за одно прикосновение к которым некоторые обитатели мира сего готовы были отдать все, что у них было за довольно хлипенькой и никому не интересной душой, страшной своим безверием во что-то хорошее и невидимое. Подбежала страшная минута прозрения, когда Ленка всем телом своим понимала, что лицо это никакого отношения не имеет к ней настоящей, истиной, светящейся неземным светом... «Интересно, удастся мне сегодня Петеньку затащить к себе домой и нежно и ласково так полюбить ненавязчиво, всем телом своим языческим, развратным, благоухающим?» Раздался стук в дверь набатно – мама.

– Лен ты долго еще?

– Сейчас выхожу.

Последний взгляд в чужое, но безмерно родное лицо. Выстрелила дверь в мир, и вот уже и следа не осталось от той Ленки, которая летала привередливо-красиво в отражении своих глаз.

ЛЕНА. Mam, я сегодня с Петей приду домой.

МАМА ЛЕНЫ. Ты так каждый раз говоришь.

ЛЕНА. Сейчас точно.

МАМА ЛЕНЫ. Мне все равно... Ты бы не ходила, Леночка, сегодня на день рождения этот. Дрянные люди собираются там. Нехорошо у меня на душе. Беспокоюсь я.

ЛЕНА. Mam, все нормально, ты же знаешь, что со мной ничего плохого случиться просто не может. Побегу я, скоро Анатолий приедет на машине, а нам за девчонками заехать надо.

МАМА ЛЕНЫ. Послушай, Лен, сядь. Я хочу историю одну рассказать. Все равно Анатолий как приедет, начнет в свою бибиалку бибкать – всех старушек около подъезда распугает.

Лена садиться на уютно-домашний ласковый родной диванчик, расслабляется и понимает, что сейчас услышит она от матери что-то по-настоящему важное, может, даже самое главное за промелькнувшую ненароком жизнь её звенящую единственную. Она смотрит на картину на стене, где мать убаюкивает маленького сына, и вдруг нахлынуло, налетело какое-то

непередаваемое чувство, невыразимое словами, дрожь-волнение сладкое, как будто из самого раннего детства невинного. Мамин голос тихо начал рассказ.

МАМА ЛЕНЫ. Эта история про дедушку твоего, царствие небесное. Ты, наверное, знаешь, что он воевал, в окружении был. Вот про окружение это, как он там оказался, а главное – как оттуда выбрался, я тебе, дочка, и расскажу. В сорок первом году летом попал наш дедушка с еще десятью солдатами в окружение, и решили они к нашим на восток пробираться. Долго шли они лесами, полями, иногда заходили в деревни и у местных жителей просили попить-поесть. Все, конечно, нашим солдатам помогали, кормили-поили. И вот один раз заночевали они в одной деревне, а часовых не выставили. Кто-то из деревни предал наших солдат и ночью их сонных захватили приехавшие фашисты. Посадили пленных в амбар пустой. Чует дедушка наш, что дело плохо закончится – расстреляют их фашисты в скором времени. Грустит, с жизнью прощается. И вот просится он у часового выйти из амбара по малой нужде, часовой еще одного фашиста вызвал, и тот повел нашего деда до ветру. Ну, сделал свои дела. Оборачивается, а перед ним старик стоит древний, борода седая, сам весь седой, глаза только не как у стариков всех – мутные, а светом небесным светятся. И говорит ему старик тот: «Что, сынок, плохи твои дела?» – «Да, плохо, батя, похоже, расстреляют нас сейчас немцы, меня и товарищей моих». – «А хочешь, я тебя сейчас из деревни этой выведу и в лес провожу?» – «Да как же ты меня, батя, выведешь? Я в форме советской, немцев полная деревня». – «А ты не бойся, иди за мной, я тебя и выведу». Ну вот, пошли они по деревне, глядит наш дед, что на него и на старика этого немцы никакого внимания не обращают. Вышли они из деревни той и в лес зашли. Дедушка наш оглянулся, хотел старика поблагодарить за то, что от смерти его спас, а старика нет – исчез, хотя стояли они на большой открытой поляне. А потом дед Антон благополучно к нашим вернулся и воевал до сорок пятого года, пока его не ранили и из-за раны этой комиссовали. Так он до самой смерти был уверен, что спас его Николай-Угодник.

«Зачем она мне все это рассказала?»

АНАТОЛИЙ. И все-таки, Вась, я все равно как-то понять не могу. Нафига пятнадцать человек-то мочить? Ну, завалить Гансов прямо в гостинице. И как-то все.

АЛЕКСЕЙ. Тут, Вась, геополитика подключается. Надо чтоб шум был, чтоб по телевизору все показали, статейки аналитические и все такое. Ну и атлантистам месидж – типа, парни, мы все про ваши дела знаем.

АНАТОЛИЙ. Месидж это чего такое?

АЛЕКСЕЙ. Послание.

АНАТОЛИЙ. Понятно. Но все равно, Вась. Как эти люди твои такое ответственное дело нам с тобой поручили? Мы ж не спецназовцы какие. Я – мент, ты – полупокер вообще.

АЛЕКСЕЙ. Сам ты, Вась, полупокер. Как мне главный их объяснил – там сложно все получилось, там наши евразийцы через астрологов, ясновидящих все вычислили: место, время, жертвы кто. Чтоб не бомжи какие были, а известные относительно люди.

АНАТОЛИЙ. Кто там на дне рождения известный?

АЛЕКСЕЙ. Василича одного достаточно. Его пол-России хоронить приедет. Короче, по каким-то там звездам мы с тобой лучше всего для этого дела подходим. Плюс там они мне про защитников незримых чего-то плели...

Картины на стене злобно поменялись. Глаза у собак кровью багряно-красной налились нечеловечески. И неприятно так внимательно, даже очень, смотреть на тайно разговаривающих людей стали, остро так, со смертью лютой во взглядах их собачьих. Охотники с ружьями неприятно-гадко тоже взглядами недобрыми стали в сторону Анатолия и Алексея зыркать.

А самое страшно-нереальное случилось с всадниками. Метаморфоза такая жутковатая. Всадники как бы непричинно-следственные со всеми остальными. Нездешние чужеродные мы, случайно мы здесь на картине объявились резонно-пармезанно. Только у одного всадника лицо очень метафизически напоминает Ганса. А у другого всадника философскую параллель можно было бы выстроить с лицом Отто.

АНАТОЛИЙ. Ладно, Вась. Про план твой я как-то все понял, одобряю. Когда за Гансами поедем?

АЛЕКСЕЙ. За Гансами я поеду. Ты за Ленкой с девчонками езжай. Они тебя ждут, небось, не дождутся.

АНАТОЛИЙ. Эх, вот как бы Ленке вдуть до того, как ей Гансы башку отрежут...

АЛЕКСЕЙ. Вась, ты за пол-лимона сотню таких Ленок трахать будешь. В день.

АНАТОЛИЙ. В час. Ха-Ха.

АЛЕКСЕЙ. Ладно, поехали.

АНАТОЛИЙ. Я только в сервис заеду в рыло одному там дам. Вот так как-то.

АЛЕКСЕЙ. Вась, ты ох. ел совсем? Какой сервис, какое рыло! У нас дело серьезное. На лимон баксов. Плюс люди какие, и какое дело нам доверили. Судьбу мира, понимаешь, решать нам доверили. Они Гансов чтоб к нам сюда заманить и чтоб те ничего не заподозрили, целую операцию закулисную провернули, тысячу человек задействовали. А ты – в сервис, в рыло...

АНАТОЛИЙ. Вась, да я все понимаю. Но ты послушай. Ты же помнишь, мне вторую машину, мерин глазастый разбили, газелист, придурок, в жопу въехал?

АЛЕКСЕЙ. Ну, помню, я потом газель эту на стоянке сжег.

АНАТОЛИЙ. Ну, так вот. Авария была два месяца назад. Я приехал в страховую, мне все бумаги оформили. Я по направлению страховой в сервис поехал. Меня там осмотрели, записали какие детали надо заказать и типа заказали. Ну, как-то месяц жду. Звоню в сервис. Говорят, не пришли еще детали. Ладно. Последний раз звоню два дня назад. Говорят, все детали пришли, кроме одной – крышки багажника. Крышка позже придет. Ну, ладно, собрался уже трубку класть, и тут черт этот говорит: «Подождите, пожалуйста. Вы мне перезвоните через двадцать минут. Я свяжусь с нашим складом, – может быть, крышка на складе, просто её это, в компьютер не внесли. Перезвоните, спросите Александра». Ну, ладно, перезваниваю через двадцать минут, прошу подозвать к трубке Александра. Подходит, я его спрашиваю, типа, ну, чего на складе – крышки нет или есть? Он говорит, давайте я вас сейчас со складом соединю, вы у них как-то спросите. Я ему напоминаю так вежливо, что двадцать минут назад он мне сказал, что сам позвонит на склад по поводу крышки, и чтобы я ему перезвонил. Он – мне: «Я вам так сказал? Я вам ничего такого не говорил. Давайте я вас со складом соединю». Я ему говорю, мол, со складом соединять не надо, но, чтобы, как только крышка придет, мне сразу на мобильный перезвонили, и спрашиваю так вежливо: помнит ли он как-то там мой номер телефона. И тут слышу, голос какой-то там говорит: «Сань, да посылай ты его. Разлили уже». И тут у меня башню и снесло. Я не помню, что я ему говорил, но я орал так, что у меня у самого голова заболела. Я думаю, от слов моих Саша этот обделался по полной программе. Но в рожу дать надо, как-то так...

АЛЕКСЕЙ. Вась, хорош дурить. Езжай за Ленкой, времени мало.

АНАТОЛИЙ. Ладно, Вась. Поехал я.

«Плохо, когда твой напарник – идиот».

ЛЕНА. Мам, а зачем ты мне эту историю-то рассказала?

МАМА ЛЕНЫ. А затем Аленка, чтоб ты помнила, что Николай Угодник на самом деле существует, и защищает он Россию нашу и людей наших русских от врагов разных, от недругов. И если есть у тебя такая возможность, не ленись, сходи в церковь, помолись Николаю Угоднику. Он и тебя, если что случится, всегда защитит и спасет, как деда твоего... О, приехал твой Анатолий, сейчас точно бибикалку сломает. Ну, беги...

ЛЕНА. Мам, он не мой. Побегу я...

Картина на стене, как тень Большого взрыва, начала потихоньку, деликатно даже так, томно-паутинно создавать реальность комнаты, в которой двумя светящимися шарами плавали Ленка и ее мать. Паутина потянулась по бледно-желтым обоям с яркими, нереально враждебного красного цвета розами, в темноте просто преображающихся в страшных дымящихся чудовищ, немедленно готовых прыгнуть в комнату и устроить грозный пир. Дальше побужала она к черному, лакированному столу, который неуместно стоял в центре комнаты, как Черная дыра, засасывающая безвозвратно внутрь себя все, что рядом находится, проплывает, пролетает. Летящими прикосновениями-мазками оживляет она маленький старенький телевизор, накрытый небольшой ослепительно белой скатерочкой, отчего ранними утром и глубокой ночью походит он видом своим на ослепительно-юную невесту, идущую под венец. И, как бы ей этого ни не хотелось, приходится оживлять-реанимировать кособокий и страшный в своей кривобокости и неухоженности шкаф совершенно непонятного предназначения. Мазок – доска гладильная с утюгом, стаканом воды и грудой беспорядочно лежащего белья. Мазок – белый-белый потолок, люстра старомодная, пол деревянный, входная дверь железная. А в действительности на полу лежит изумительно сделанный ковер, на котором мастерски изображен бог Один. Но этого ковра никто из присутствующих в комнате не видит.

«Ты собак покормил?» – «Они умерли». – «Сдохли, что ли, собаки?» – «Мои – умерли».

ЛЕНА. Привет, Толик.

АНАТОЛИЙ. Привет, прекрасная, изумительная, восхитительная, обворожительная Елена. (Хочет ее поцеловать).

ЛЕНА. Толь, мы, по-моему, этап ухаживаний давно прошли, сейчас у нас этап следующий, называется – просто очень хорошие друзья. (Улыбается).

АНАТОЛИЙ. Ах, Ленка, как говорили в одном фильме – такая баба, и не моя. Ладно, проехали.

ЛЕНА. Толь, нам на улицу Мира 18. Знаешь, где это? Они там, в кафе около дома будут сидеть.

АНАТОЛИЙ. Знаю, знаю я этот кабак. И чего они туда поперлись? Сейчас придется отбивать их от стаи лысых уродов, ксивой махать, рожи бить...

ЛЕНА. Да знают нас там, кто мы... Не пристают уже давно... Поехали, Толь.

АНАТОЛИЙ. Поехали... Слушай, Лен, не ездила бы ты на день рождение это. Ну, чего тебе там делать-то? Нахрюкаются все, песни орать начнут. Ну, чего за удовольствие так как-то...

ЛЕНА. Толь, ты же знаешь, я к Василичу не могу не пойти. Он мне как отец родной. Так помог, как отец-мать мне ни разу в жизни не помогали. Все для меня сделал. И ничего взамен не просит. Я знаю, все говорят, мол, трахает он меня, потому и помогает... Не было этого ни разу, Толь... Ни разу... А потом, там Петенька будет.

АНАТОЛИЙ. Ну чего вы, бл. дь, в этом Петеньке, бл. дь, нашли?! Ну, что у него там, медом что ли намазано?!

ЛЕНА. Толь, ты чего ругаешься?

АНАТОЛИЙ. Прости, Лен. Жирный, очкастый урод. К тому же бухает так, что мама родная... Я тут к нему по делам приезжал, так он за 20 минут при мне две бутылки портвейна выжрал. И это притом, что уже готовый был...

ЛЕНА. Это какие у тебя с Петей дела?

АНАТОЛИЙ. Не важно, Лен, не об этом я сейчас. Поэт, мать его. Читал я его писанину – не понятно ни хрена. Да и если б Василич денег не дал, хрен бы книжку его напечатали. Да и не продается эта хрень... вот гадам буду! Ну, кто это покупать будет? Ну, как-то все это... ну, как-то... Аленка, слушай. Выходи за меня замуж! Стой, не перебивай! Я понимаю там любовь, не любовь у тебя. Я, может, тебе и не сильно нравлюсь. Но я же нормальный мужик. Давай, поехали в Монако, тебе же город этот нравится. Бабки у меня есть, на всю жизнь тебя обеспечу, на руках носить буду. Только прямо сейчас. Уезжаем – и точка, я все сделаю, документы нам новые, завтра уже в раю будем на море Средиземном, на солнышке. Я сейчас билеты куплю и собираться не надо – там все купим...

ЛЕНА. (Перебивает). Толь, Толь... Все, хватит. Уже сто раз эту тему обсуждали. Закрыли раз и навсегда. (После паузы). Толенька. Ты... Да, хороший мужик, правильный... Непьющий, богатый. Но не люблю я тебя. Мы же договорились – как сестра и брат, помнишь? Пожалуйста. (Гладит его по плечу).

АНАТОЛИЙ. Да, да. Прости, прости, Лен... Но вот как-то последняя попытка. Монако ведь, знаешь, город этот... Я, когда его первый раз увидел рано утром, он мне напомнил... Не поверишь! Вот как будто я оказался в игре такой компьютерной – «Дюк—2». Ты играла ведь тоже когда-то раньше? Да? Я не знаю... Галлюцинация такая как-то... И ведь не пил... Народу на улице никого, только я. И вот мне кажется, что сейчас вылезут черти эти, бегемоты эти с ружьями, а мне их убить нечем. Без оружия я. И, тем не менее, не страшно ничуть. Хожу себе спокойно, по лифтам этим разъезжаю. Ну, ты была, знаешь. Петя твой ведь опять... А, ладно.

ЛЕНА. Нет, Толь. Сегодня все хорошо будет. Мне сон сегодня приснился. Хороший очень, пожалуй, даже лучший за всю мою жизнь. Будто идем мы с Петей по огромному-огромному полю. А оно поросло все одуванчиками золотыми такими. И солнце светит яркое-яркое. И не видно конца-края этому полю. А на душе такое счастье, такое... В общем, словами я это передать не могу. Все сегодня хорошо будет.

АНАТОЛИЙ. (Зло улыбается). Ну, если ты так считаешь, если уверена – тебе виднее. Надо же, такое счастье твоему Пете, такая женщина его любит. Только он-то, он-то – нет! Всех подруг твоих перетрахал! Знаешь ведь ты, да? Как ты такое можешь...

ЛЕНА. (Перебивает) Послушай! Он сам еще не догадывается, что любит меня, что я – его вторая половинка. Несчастливая любовь у Пети трагическая в Москве случилась, сломала его, на дно опустила, душу всю вымотала. Видела я фотографию Любы этой. Красива... причем так, что даже я, девушка, понимаю, как за ней все мужики без исключения бегать должны. А Петя до этого случая отказа не знал.

АНАТОЛИЙ. Ты-то откуда знаешь?

ЛЕНА. Я с Петей много раз на эту тему разговаривала. Когда он сюда вернулся, я ведь практически выходила его...

АНАТОЛИЙ. Выходила? Он чего, еще хуже был, по ящику в день жрал что ли?

ЛЕНА. Да прекрати, не в этом дело... Он, понимаешь, жить совсем не хотел, сил у него не было дальше жить. Я вывела его из того состояния... Мертвого что ли, упаднического, безжизненного...

АНАТОЛИЙ. Сейчас живет всех живых, как Ленин, бл.! Портвейн, бабы, стихи издает, и еще работать не работает, и не хочет...

ЛЕНА. Стой, Толя! Приехали.

Внешний каркас серо-бездонного кафе с тихим названием «Приют» выглядел идеальной черной дырой, и не в цвете было дело, цвета, это банально-грязное заведение, было что ни на есть серого. Только как необъяснимо-грозная черная дыра засасывало оно всю энергию пятиэтажно-убогого окружающего места, вампирно так убивая все цветущее живое рядом, насколько могло дотянуться в злобе своей кровожадной. Все существа, живущие и бледнеющие по соседству с этой пропастью в нижние миры, всем сердцем хотели убежать отсюда без оглядки, но сил, энергии у них уже не было, и жили они в сладко-дрожащей истоме постоянного ежесекундного умирания. Посетителей же эта необъяснимая темная сущность тянула к себе невидимыми привязными нитями, тянувшимися из центра дыры той щупально-паутинно по всему городу в поисках все новых и новых жертв. Посетители, однако, в отличие от живущих рядом людей, от посещения кафе этого наливались какой-то неестественно-пугающей красотой страшной и силой прямолинейно-строгой, хотя отличить их от обычного человека не представлялось никакой возможности. Внутри кафе-дыры «Приют» выглядело вызывающе-деревяннным от пола до потолка, при этом столы и стулья были почему-то пластиковыми. Официанты пожилые, лысые, шествовали не торопясь и важно, медленно обслуживая гостей. Центральной же фигурой всего этого мистического места был неестественно-огромный бармен с бицепсами, готовыми в любую секунду разорвать футболку, нескладно одетую на него, на которой по совершенно непонятной причине было написано – «Сдвиг». Ленкины подружки сидели вдвоем за круглым столиком, не разговаривая и даже не глядя друг на друга, все с одинаково-красивым бессмысленным выражением лица, пили бесцветные, но очень вкусные и пьянящие коктейли, изготовленные барменом по ему одному ведомым рецептам. В кафе больше никого не было, что надо признать, показалось вошедшему в зал Анатолию очень странным, так как в это время народу должно уже набиться битком. Он подошел и что-то тихо сказал девушкам. Одна из них позвала официанта и неторопливо расплатилась по счету. Потом они все вдвоем автоматически-роботом поднялись и джинсово-футболочно гуськом пошли за Анатолием к выходу. Бармен злобной всё понимающей улыбкой проводил их до двери.

АНАТОЛИЙ. Давайте, девчонки, рассаживайтесь там, сзади. Поместитесь?

ЛЕНА. Они же худенькие девушки, спортсменки.

АНАТОЛИЙ. Кстати, Катя, Вик познакомили бы с подружкой вашей. Эх... как-то не дожدهшься. Тогда я сам. Как вас зовут? Почему я вас раньше в городе не видел?

ТАНЯ. Меня зовут Таня.

АНАТОЛИЙ. Очень приятно, Анатолий.

ТАНЯ. Мы с родителями из Кирова недавно в город приехали. Мой отец сейчас на заводе у Дворянского Игоря Васильевича главным технологом работает.

АНАТОЛИЙ. А. Понятно. Ну, бате твоему повезло. Всем известно, что Василич хорошо сотрудникам платит.

ВИКА. Толь! Какая у тебя новая машина классная! Давно купил?

АНАТОЛИЙ. Да нет, недавно... а чего – Гелентваген знаешь, по дешевке, трехлетний... чего не купить как-то...

КАТЯ. Анатолий Александрович! Возьми меня замуж, а? Я хорошая, красивая, любить тебя буду. А то такой богатый крупный мужчина пропадает в холостяках.

АНАТОЛИЙ. (Смущенно). Как-то... Не все это понимают. Хм...

ЛЕНА. Толенька. Все всё понимают, только сказать не могут красиво, как Катя. И вообще, девушки – они же все глупенькие (улыбается) ... ну, кроме Кати, конечно.

ВИКА. Лен. А кто на дне рождения будет?

ЛЕНА. А кто тебя конкретно интересуется?

АНАТОЛИЙ. Петр Валентинович будет, Вик, в первых рядах. Ты ведь про него запойненького узнать хотела, да?

ВИКА. Нет, ну, я вообще... состав гостей. Там ребята, по-моему, из компьютерной фирмы...

АНАТОЛИЙ. Нет, я не понимаю. У нас, похоже, на весь город один жених. Девки, я не понимаю, чего за дела? Вик, ты-то чего в нем нашла?

ВИКА. Да я ничего. Он, не такой уж и жених... Чего ты...

КАТЯ. Анатолий Александрович. Есть у нас в городе еще один жених. Это ты. Я вот тебя люблю, прям со школы. А ты меня – нет...

КАТЯ, ЛЕНА, ВИКА. (Поют). «Не лю-бит. Не-хо-чет смот-ре-ть. О, как он кра-сив, про-кля-тый...»

АНАТОЛИЙ. Вы чего сдурели? Чего так громко орете? Я чуть в столб не врезался.

ЛЕНА. (Смеется). Толь, прости. Мы просто с девчонками одну песню уже двое суток поем.

АНАТОЛИЙ. Эту что ли?

ЛЕНА. Да. Я на комодке проигрыватель старый нашла и пластинок целую кучу. Они мамины оказались. Пугачева, Магомаев, Поющие Гитары. И я от нечего делать всю эту древность слушала у себя в комнате. Была среди них одна – По волнам... чего-то там. Она играла, когда девчонки ко мне зашли. На пластинке на этой все песни так себе, а это нам прямо в душу запала. Мы её выучили, и вот теперь поем к месту и не к месту.

АНАТОЛИЙ. Да. Вот у меня, к примеру, случай тоже один был. Это произошло, когда я только начинал здесь как-то работать. Вызвал меня мой начальник и приказывает найти двух перцев, чтоб я с ними встретился, потом сел к ним в машину, они меня к одному черту еще отвозят, я ему кое-что отдаю, кое-что забираю. Ну и все. Потом те двое меня отвозят. Я еду к начальнику и ему это кое-что как-то отдаю.

КАТЯ. Кое-что – это оружие, наркотики? (Смеется).

АНАТОЛИЙ. Да какая разница...

ЛЕНА. Нет Кать – это секс, наркотики, рок-н-ролл. (Смеется).

АНАТОЛИЙ. Я могу и не рассказывать...

ЛЕНА. Толь, всё прости, прости... Мы сейчас в каком-то перевозбужденном, веселом состоянии...

АНАТОЛИЙ. Ну и вот. Перезвонил я перцам. Они – черту. Встречаемся. Выходят два быка таких серьезных. Я им так и так. Все объяснил. Они говорят, типа, проблем нет, только мы тебе глаза завяжем, пока в машине ехать будем. Я говорю, что не было такого договора, и начальнику перезваниваю. Начальник говорит, мол, все ОК, не бойся, езжай с ними, все будет хорошо. Я как-то сажусь с ними в машину, они мне глаза завязали. И мы поехали. Беззвучно так едем. Они даже музыку не включили и сами друг с другом не разговаривают. Едем – только шуршание резины слышно. Страшно, даже жутко мне так стало, я им и говорю, мол, парни, вы хоть музыку включите, а то ехать скучно. Они мне, типа, не велено музыку включать, мы быстро очень ехать должны, а местность нам не знакомая, так что один как штурман за картой смотрит, а другой очень быстро, на предельной скорости машину ведет, а ты молчи лучше, расслабляйся, не мешай нам – сейчас через 10 минут приедем. После этих слов мне совсем не по себе стало, думаю, типа, ну, если через 10 минут не приедем, сам повязку сниму, а там разберемся. И стал до шестисот считать. На счете пятьсот восемьдесят шесть смотрю – приехали. Снимают с меня повязку. Выводят из автомобиля. Я выхожу, ноги разминаю, осматриваюсь. Передо мной особняк двухэтажный, с колонами, со львами мраморными у входа. Один из этих говорит, мол, иди, хозяин тебя прямо в зале ждет. А надо сказать, что было это в ноябре... или в марте... я точно не помню. Смеркалось уже. И вижу я перед домом огромного такого котяру черного, с блестящими глазами, который ими пристально так на меня смотрит, у меня аж мороз по коже. А на крыше сова или филин, тоже черный весь. Я им: «Парни, со мной кто пойдет?» Они: «Нет, не бойся, один иди». Я иду даже не в страхе, а в ужасе полном.

Дверь открываю, захожу внутрь. Сидит мужик на троне – бородатый, с тросточкой, ногти – длиннющие, ухоженные. Вот знаете, как в фильме, я его на видике смотрел раньше, «Сердце демона» – там еще черта Аль Пачино сыграл. Вообще одно лицо. И рядом с ним пес... черный тоже. У меня ноги подкосились, и я прям перед ним от страха падаю. Он мне говорит: «Что, твою мать, страшно?» Я встаю быстро, говорю: «Нет, споткнулся». Он спрашивает: «Чего шеф не пришел?» Я говорю: «Не смог, дел полно, сами знаете – у милицейских начальников...» И тут пес этот поднимается, смотрит на меня в упор и рычать начинает. Я в полном ауте. Черт тогда мне и говорит: «Ну, давай мне кое-что». Я ему отдал. Он тогда мне конвертик подает. Начальнику отдай, мол. Я, не поворачиваясь, бегом начинаю к двери задом перемещаться. Он кричит: «Стой!» Я встал. «Еще раз особняк этот увидишь, через час после этого умрешь». Не открывая рта сказал, честное слово! В этот момент у меня сознание и выключилось, я плохо помню, как из зала выбежал, как в машину сел, как к начальнику пришел, передал конверт, а потом позвонил Васе, и мы с ним неделю бухали, я – от страха, он – за компанию. А за эту неделю мой начальник как раз помер от разрыва сердца как-то... Я потом, про этот особняк у всех спрашивал, искал, где он может находиться, описывал его – мне так никто ничего толком и не сказал – не знал никто о нем ничего.

ЛЕНА. Только не Аль Пачино, а Де Ниро.

АНАТОЛИЙ. Что?

ЛЕНА. В фильме «Сердце Ангела» Дьявола играет Роберт Де Ниро.

АНАТОЛИЙ. (После паузы). Подарок купили?

ЛЕНА. Нет. Василич сказал, что сегодня без подарков. Я ему, когда звонила, поздравила, он еще раз напомнил об этом.

АНАТОЛИЙ. А я купил.

ЛЕНА. Толь, ну, навел тоску своим рассказом. Может, музыку поставишь?

АНАТОЛИЙ. Да нет проблем. Только у меня кроме Круга в машине ничего нет.

ЛЕНА. Давай, ставь Круга.

Машина все дальше и дальше по дороге в лес удалялась, концентрируясь на Круге, концентрическими кругами к месту-центру кругов жизненных смертью влекомая неодолимо. Тоскливо-черное вечное небо звездное, абсолютно безоблачно тем не менее, взирало на это, никакими чувствами не обремененное. Все пространство (земля, небо, звезды) пронизано было нитями дрожащими непостижимого мига вечности, птицами и прочими невидимыми сущностями разносимого в разные стороны. Лес темный сказочно-страшный принимал все эти тайны безмолвно и безразлично к судьбам людей, которые пропадали непонятно куда из-за тайн этих неизвестных никому с самого дня рождения этого тысячелетнего леса. Стояла абсолютная тишина, изредка прерываемая хлопаньем, уханьем и треском, звук от которых, похоже, приходил за десятки километров от центра тишины этой.

АРЧИ. (Телепатически Шону). *Слишком просто.*

ШОН. (Телепатически Арчи). *Что?*

АРЧИ. (Дальше весь разговор до прихода Алексея происходит телепатически). *Я чувствую. Такого не может быть.*

ШОН. *Что случилось?*

АРЧИ. *Голос Паука постоянно в моем мозгу говорит, что это будет очень не просто!*

ШОН. *О чем ты говоришь? Мы еще ничего не сделали. Все впереди.*

АРЧИ. *Я очень беспокоюсь. Слишком легко. Нас ждет неприятный сюрприз.*

ШОН. *Прекрати паниковать. Все будет хорошо. Мы все сделаем так, как необходимо.*

АРЧИ. *Да, я знаю. Ничто не может остановить нас. Просто нет такой силы в мире. Но я не могу понять одного. Почему после убийства никчемных людишек изменится мир?*

Телепатически разговаривающие Ганс (он же Шон по паспорту, и в дальнейшем мы будем называть его Шон) и Отто (он же Арчи по паспорту, и в дальнейшем мы будем называть его Арчи) тюфячно лежали в идеально убранном гостиничном номере, вплотную подогнанным к их невероятно тренированным, убийство источающим телам, странно-пружинно при этом готовым мгновенно среагировать вневнеменно на любое, даже хрустально-невинное дуновение ветерка, если действие это по нечеловеческим алгоритмам их машинно-думающего мозга может показаться не опасным даже, а как либо выбивающимся из общего движения потока реальности, слепо подчиненного одной их великой Цели. Гостиничный номер, как эталон однообразия, предписанного всем никому не известным «богом однообразных гостиничных номеров», вяло сиял внутренней силой двух белых односпальных кроватей, разобранных Шоном и Арчи, шкафом белым же, встроенным непонятно как и непонятно куда, серо-стальных стульев и печеночного цвета столом с подружившимися с ним такого же цвета занавесками, но все же более легковесными, воздушно колышущимися под несильным напором подконтрольного полностью хрустального ветерка, сквознячно закрывшего недавно дверь – сестру стола и занавесок печеночных. Абсолютно чужеродно, отдельно, никаким законам времени не подчиняющийся своим черным цветом повисал на стене телевизор-вещун, показывающий пронзительный документальный фильм про Тибет. И, конечно же, на противоположной стене висели две картины, изображающие сцены зимней охоты, последнее время как набег саранчи увесившие собой все гостиничные номера, бары и частные коллекции. Все это было неожиданно убито всего лишь одним стуком в дверь.

АРЧИ. Кто там?

АЛЕКСЕЙ. Это я, Алексей.

АРЧИ. Заходите.

АЛЕКСЕЙ (входит). Здравствуйте, господин Отто и господин Ганс. Нам пора уже, время выезжать. А то опоздаем.

ШОН. Алексей. Мы же просили вас не называть нас нашими сценическими именами. Мы же говорили, как нас зовут. Меня – Шон. Моего товарища – Арчи. Мы же, когда списывались с помощницей вашего Игоря Васильевича все ей рассказали – что мы делаем лучшее в Америке лазерное танцевальное файер-шоу, у нас контракт официальный, деньги нам перевели...

АЛЕКСЕЙ. А как же Вы после всех дел...?

АРЧИ. А вот это, Алексей, не ваше дело. Это наши проблемы. Ваши проблемы – довести нас до места. Обеспечить, чтобы в течение часа на территорию не попал ни один посторонний, особенно из силовых структур, и отвезти нас туда, куда мы скажем. За это мы заплатили деньги. Очень немаленькие деньги. Надеюсь, вы со своим напарником оправдаете доверие людей, которые нас познакомили. И которые очень вас порекомендовали.

АЛЕКСЕЙ. Это не проблема. Все сделаем как надо...

ШОН (подходит к Алексею и шепчет на ухо). А то, что мы должны будем надеть фашистскую форму – это пожелание нашего клиента – Василича, как вы его все тут называете. И музыку немецкую, под которую мы танцевать должны – он всю отбирал. А я, как гражданин Америки, страны-победительницы, такой же, как Россия, между прочим, очень фашистскую Германию не люблю.

АЛЕКСЕЙ. А как же...?

ШОН. (Телепатически Арчи). *Я убью их всех с большим удовольствием.*

АРЧИ. (Улыбаясь Шону). Алексей. Вас когда Петр Валентинович инструктировал, наверное, очень много всего наговорил ненужного, чего он и сам не знает. И, наверное, еще пьяный был или с похмелья. К сожалению, нам с такими людьми приходится работать. Пой-

мите одно – это сафари. Мы охотимся на живых существ, потом привозим домой трофеи. Так получилось, что эти живые существа – люди.

ШОН. (Телепатически Арчи). *Алексей хочет убить нас. Ты знаешь об этом?*

АРЧИ. (Телепатически Шону). *Алексей хочет убить нас сейчас?*

ШОН. (Телепатически Арчи). *Нет. Алексей хочет убить нас через час.*

АРЧИ. (Телепатически Шону). *Кремлевский мечтатель. Все русские так похожи друг на друга?*

ШОН. Так что, Алексей, воспринимайте все спокойно. Эта ваша работа – все равно, что работа егеря.

АЛЕКСЕЙ. Я понимаю господин Шон, господин Арчи, я действительно не должен так глубоко лезть в ваши дела. Мое дело маленькое – обеспечить безопасность периметра.

ШОН. ОК. Там на месте сейчас рабочие сцену небольшую собирают, аппаратуру настраивают, свет устанавливают. Вы проследите, чтобы они все уехали.

АЛЕКСЕЙ. Яволь.

ШОН. (Смеется). Алексей. Возьмите вон те две большие сумки и отнесите в машину, только осторожно, пожалуйста, там много оружия, боеприпасов, взрывчатки. Рванет еще ненадолго.

АРЧИ. (Телепатически Шону). *Тогда всех придется убить голыми руками.*

АЛЕКСЕЙ. (Открывая дверь). Вы, господа, пожалуйста, поторопитесь. А то времени совсем...

ШОН. Через минуту выйдем.

АРЧИ. (Телепатически Шону). *Я не понимаю. Самый подготовленный человек в радиусе ста миль – это Алексей. Я могу убить его, как муху. Он даже не успеет понять, что произошло. Зачем убивать мух с помощью такой ужасающей силы, которая в нас с тобой?*

ШОН. (Телепатически Арчи). *Подожди. Мы все узнаем в течение нескольких часов. Помолимся.*

ШОН, АРЧИ. Во имя Паука-отца, Паука-сына и Святой-паутины...

Шон закрыл дверь изнутри номера гостиничного, приютившего их неожиданно на пути, механически строго предначертанном, Арчи посмотрел твердо-многообещающе на Шона, и они, не сговариваясь, растворились в воздухе, чтобы тут же материализоваться в лифте, идущем на первый этаж. Выйдя из лифта, Шон направился к Алексею, нервно и нелепо обнявшему сумки, смерть источающие, а Арчи казенно по-иностранному начал расплачиваться с администратором, используя пластиковую карточку, зарегистрированную на фирму «ODIN GmbH». Огромный холл гостиницы пустынный, волнами проступающий в сумерках предзакатных, плохо очерченный, несмотря на свет яркий, лампочками разбросанный по всему пространству, давил на Алексея предчувствием беды страшной, необъяснимой приключенческой, на которую он так легкомысленно согласился. И совсем раздавило бы его это ощущение претерзкое, если бы рядом с ним не появился Шон, всем видом своим безупречно легким показывая уверенность в завтрашнем дне, спокойствие безумное и нечеловеческое обещание благополучия. Подошедший Арчи лишь усилил настроение нереального счастья, которое в считанные секунды обрушилось на Алексея, пронзив все его существо дрожью-уверенностью, что все будет хорошо. Схватив пушинно сумки неподъемные, он тихо побежал к машине народной «Гелентваген», которая правильно стояла у входа в гостиницу. Когда он открыл дверь переднюю правую, Шон и Арчи уже сидели в салоне, – к небывалому его удивлению. Спустя секунду машина мчалась по улицам тихим к месту будущей разыгравшейся трагедии нешуточной. И вот уже две машины по спирали неведомой мчались, фонтанами брызг орошая природу, застывшую в предвкушении чего-то невиданного всем своим предзакатным красно-желтым

великолепием, облачавшим эту великую, страшную мистерию в просторные одежды бессмертия.

АНАТОЛИЙ. (Отвечает на звонок Алексея). Да, Вась, привет. Я девчонок забрал, едем на место. Ты как? Гансов забрал?

АЛЕКСЕЙ. Да, все нормально. Мы с Шоном и Арчи тоже едем.

АНАТОЛИЙ. Вас пятеро что ли? Кто это еще – Шон и Арчи?

АЛЕКСЕЙ. Нет нас трое.

АНАТОЛИЙ. А где Гансы-то, Вась? Я чего-то не понял как-то... Ты выражайся попонятнее. Ты же за Гансами ехал. Нафига ты еще каких-то пассажиров посадил.

АЛЕКСЕЙ. (После длительной паузы). Вась, не волнуйся. Все в порядке.

АНАТОЛИЙ. (Орет). Все в порядке? Вась, у тебя проблемы? Быстро отвечай. Или я сейчас все брошу на хрен, телефон отключу и все. Разбирайся сам. Вась, у тебя три секунды.

АЛЕКСЕЙ. Толь. Толь. Ты чего. Я же тебе говорил, что Отто и Ганс – это сценические псевдонимы наших американских друзей, которые будут у Василича выступать, а по-настоящему их зовут Шон и Арчи. Я же тебе рассказывал. Не заводишься из-за ерунды. Все в порядке? Толя, Толя отвечай.

АНАТОЛИЙ. Да. ОК. Конец связи.

АЛЕКСЕЙ. Нет, погоди. Я телефон бригадира этого, который там сцену собирает, посеял. Ты помнишь телефон?

АНАТОЛИЙ. Ну, да.

АЛЕКСЕЙ. Слушай. Позвони ему, чтоб все рабочие поторопились и свалили оттуда поскорее. Понял?

АНАТОЛИЙ. Да. Да. Сейчас позвоню. Пока, Вась.

АЛЕКСЕЙ. Давай, Вась.

ЛЕНА. Толь. Все в порядке? АРЧИ. Алексей. Все хорошо?

АНАТОЛИЙ. АЛЕКСЕЙ. Да все нормально, напарничек мой нервничает немного.

ЛЕНА. А чего он нервничает? ШОН. А чего он нервничает?

АНАТОЛИЙ. АЛЕКСЕЙ. Ой, да понты все. Считает, что вся ответственность на нем.

КАТЯ. Какая ответственность? ШОН. Какая ответственность?

АНАТОЛИЙ. АЛЕКСЕЙ. Ну, за день рождения перед Василичем. Он же нам все организовать поручил. Чтоб прошло все хорошо. Ну, он из кожи вон и лезет.

ЛЕНА. Надеюсь, все будет хорошо. АРЧИ. Надеюсь, все будет ОК?

АНАТОЛИЙ. АЛЕКСЕЙ. Я тоже надеюсь.

Шум резиновый от колес машин безупречных плавно превращается в шум работающего вентилятора.

ВАСЯ. Парни, ну, сколько можно работать на эту всемирную еврейскую мафию? Они там, в Нью-Йорке своем, устали уже деньги считать, которые в Пенсионные фонды вложили.

ФЕДЯ. Леха и так уже час на них не работает, порнуху рассматривает.

ЛЕША. Неправда ваша. Я уже час музыку скачиваю.

ВАСЯ. Какую?

ЛЕША. Цоя. Ленинград. Ну, заодно и порнуху, конечно, смотрю...

ВАСЯ. Ну, вот как ты можешь Ленинград слушать! Похабщина одна. Что ни песня – мат-перемат. Песни ни о чем. Цой вот – другое дело.

ЛЕША. Ты будто матом не ругаешься.

ВАСЯ. Я тихо, в своей компании, на сцену не лезу, книжки, где жрут говно, не печатаю. Общественную нравственность не понижаю. А эти все... Разрешили все это, и теперь я должен телевизор с этим смотреть, книжки с этим читать, радио с этим слушать. Достали.

ФЕДЯ. Вась. А ты не слушай. Ходи в консерваторию. Читай книги девятнадцатого века. Да, и не бухай, пожалуйста! К девкам в общагу каждый день не ходи....

ВАСЯ. Консерватории у нас в городе нет. Книги я почти не читаю. Бухаю я от безысходности и беспросветности русской провинциальной реальности. А к девкам меня влечет неумолимый зов плоти, с которым я ничего не могу поделать.

ЛЕША. Красиво сказал. Это что же за безысходная реальность такая у человека с твоим окладом. А? С поездками заграничными, горными лыжами, дайвингом.

ВАСЯ. Все, замаяли. Я же сейчас не о себе, а о нравственности, о культуре...

ЛЕША. Скажи, пожалуйста, Василий, ты ведь считаешь, что если в каком-то литературном произведении есть хотя бы одно нецензурное слово, то, что бы там ни было написано, какой бы позитивный заряд оно не несло, какой бы мастер литературный его не написал, это уже не литература, а хлам. Да? На помойку это нести надо. Да?

ВАСЯ. Ну. Одно слово в контексте если написано, то почему – можно. Это еще литература. Шолохов, например.

ФЕДЯ. А два слова?

ЛЕША. А двадцать два слова?

ФЕДЯ. А триста четырнадцать слов, если в контексте?

ВАСЯ. Так, ладно. Накинулись. Нашли слабое место... я же в литературе не сильно разбираюсь! Я обдумаю это. В понедельник скажу свое мнение.

ЛЕША. ФЕДЯ. Браво, Маэстро! (аплодисменты).

ВАСЯ. (встает, кланяется). Спасибо, спасибо. (Садится). Но в песнях точно нельзя. Песни – святое.

ФЕДЯ. То есть, если твой любимый певец какой-нибудь исполнит матерную песню, его сразу на свалку истории? Совок ты, Вася.

ЛЕША. Не исполнит. Вася ж выбирает только морально устойчивых любимцев.

ФЕДЯ. А свобода творчества, Вась. Ты об этом слышал что-нибудь? Это вот представь: человека прёт, он песню сочинил такую небывалую, весь радостный. Написал её на бумаге. И тут внутренний цензор включается. Говорит – нельзя, дорогой. У тебя целых три матерных слова в песне. Убирай. Человек расстраивается, комкает бумагу и идет водку пить. А человечество лишилось еще одной великой песни. Причем, это только в России. Во всем остальном мире на это давно уже не обращают внимания.

ВАСЯ. У нас тоже уже никто не обращает.

ЛЕША. Зато разговоров много.

Пауза. Четыре стола. Четыре стула. На столах четыре монитора. За тремя столами сидят три молодых человека. Окно. Дверь. Вентилятор. Они сидят лицом к окну, спиной к двери. Мигает неисправная квадратная люстра на потолке. Внизу ковролин, наверху побелка, стены покрашены в серый цвет.

А в это время кто-то сочиняет песню.

*«О, страна рек, озер, лесов диких, зла венценосного приют,
Пою тебе песню особую ветреную, кошмаров ночных полную,*

*О том, что жить нам осталось час-полчаса, метр-два
в сторону;
О том, что не вспомнит никто о телах наших брошенных,
обезглавленных;
О том, что враги наши бесшумной походкой в ночь темную уйдут
безнаказанно,
И что не отомстит никто им за тела-души наши поруганные;
О том, что зло вихрем черным пойдет по просторам страны моей
заревой,
И что никто никогда не остановит его рукой твердой праведной;
О том, что гибель люта придет в каждый дом во все
комнаты,
И что на этом всем время-пространство земное закончится...
А ведь можно было оставить всех жить там по-прежнему —
Нужно было для этого в Бога Единого верить лишь».*

«И ни одного нецензурного слова».

ВАСЯ. Я поэтому слушаю только «Машину времени», «Воскресение», советскую эстраду и русскую народную и симфоническую музыку.

ЛЕША. Вася у нас всегда умным был. Знает, как из любого неудобного положения выкрутиться. Ты, правда, кое-что забыл. Забыл, как тебя Ленка Цоя приучила слушать.

ВАСЯ. Да, приучила. Я помню. (Улыбается). Вообще, я музыку, написанную после девяносто первого года, не слушаю. С развалом СССР настоящая музыка в мире кончилась.

ФЕДЯ. Вася у нас не просто умный. Вася у нас – гениальный. Достойный ученик Блэка. Блэк тоже придумал, что после 75 года музыка кончилась. Последняя пластинка – Блэк Сабат «Саботаж». А после нее – всё. Музыка кончилась.

ВАСЯ. Ты меня с Блэком не сравнивай. Блэк иностранную только музыку слушает. А я вообще иностранщину на дух не переношу. Это из-за нее мы страну потеряли...

ЛЕША. Так! Парни, а чего мы под вечер с вами высокоинтеллектуальные беседы завели? Нам они никогда не удавались. Сейчас опять до драки дойдет.

ФЕДЯ. И ты предлагаешь...

ЛЕША. Вась! А чего мы так давно не ходим в общежитие? Может, ты один, без нас ходишь? А как же друзья?

ВАСЯ. Лех, ты чего? Каникулы же были.

ФЕДЯ. Так закончились. Все же приехали.

ВАСЯ. Никто не приехал. Зинка одна. И первокурсниц пол-этажа.

ЛЕША. Первокурсницами мы потом займемся. А к Зинке не пойдем – мы столько не выпьем. Значит, будем ждать остальных. Кстати, на дне рождения кто будет из доступного прекрасного пола? Вась, ты у нас самый информированный.

ВАСЯ. Из доступного – никого.

ФЕДЯ. Как никого? А Ленка, Вика, Катя?

ВАСЯ. Ленка будет рядом с Василичем и Петей естественно. Вика и Катя с Васями. Остается одна девушка – Таня. Но около нее будут вообще все крутиться.

ЛЕША. Это почему?

ВАСЯ. Из-за выдающихся внешних данных.

ФЕДЯ. Девяносто—шестьдесят-девяносто. Метр восемьдесят. Я правильно все понял?

ВАСЯ. (Прищурившись как И. В. Сталин). Я даже думаю так – девяносто три—пятьдесят девять—девяносто один. И метр восемьдесят два.

ЛЕША. Да. Глаз – алмаз. Всё до сантиметра измерил. И откуда она.

ВАСЯ. Из Кирова с родителями переехала. Отец ее...

ГОЛОС ОХРАННИКА ИЗ ДИНАМИКА. Шеф приехал.

Все присутствующие персонажи замерли, пригнувшись, будто хлыстом невидимым воздух разогнали медленно. По комнате прусский дух растворился дисциплинированно послушно, в каждый уголок добрался пламенно. Все изменилось, и в окно стал поступать свет закатный солнечный неожиданно, преображая незаметно все на пути его прямом попадающе-ся. Люстра мигать перестала, лица стали улыбаться радоваться этой застывшей фотонной поэзии, всегда не вовремя прекращающей скуку-тоску обыденности происходящей. Окно стало прозрачно-свежим своей готовностью показать зрителям, смотрящим в него, удивительный умирающий мир, словами невыразимый и от того родной настолько, что сама мысль покинуть его в столь величественный миг была так больна и неестественна глазам, что из всех глаз показались слезы. Затуманенное сознание выхватило дом на холме белый с одной дверью железной неприступной и окном, всегда направленным в сторону заката ежедневного среди сосен вековых и ведущую к нему дорогу асфальтовую из бесконечности. Вернувшись в сидящих в комнате людей, наваждение превратило их в пазлы-пары, недостающие для завершения картины мира окончательной. Так оказалось, что пазл-Вася как раз пришелся впору между пазлом-Викой и Шоном, пазл-Федя – между пазлом-Катей и Арчи. Для пазла-Леши пары для завершения картинки пока не нашлось. Будем искать.

«Слушай, ты этот фильм смотрел?» – «Да». – «Их всех убьют?» – «Да». – «Давай еще раз посмотрим, может быть, сейчас все по-другому будет». – «Давай».

В это время в комнату вошел Антон.

АНТОН. Привет, бездельники. Развлекаетесь?

ЛЕША. Видишь – работаем.

АНТОН. Хватит, хватит работать. Сейчас поедem уже. Сейчас полчаса поболтаем и в путь. Вы на чем разговор закончили? В смысле, о чем разговаривали: о музыке или о женщинах?

ВАСЯ. Мы? О высоком, конечно... о музыке.

АНТОН. (Зевает). Ясно. Музыка кончилась в 75 году. Ленинград – говно. Чего у вас там третьим пунктом?

ЛЕША. Какие женщины будут на дне рождения.

АНТОН. Доступных – не будет. Все заняты. Вообще надо расставаться с детством. В вашем возрасте уже наивно думать, что на каком-нибудь дне рождения, или на свадьбе, или просто на дружеской вечеринке можно встретить свободную девушку.

ВАСЯ. Я им говорил...

ЛЕША. А кто вообще будет?

АНТОН. Режиссер. Петя. Девчонки. Блэк с женой. Помощница Василича – Вика. Какой-то московский гость. Васи. Мы. Всё.

ЛЕША. Антоний. Вопрос можно?

АНТОН. Спрашивай.

ЛЕША. Мы-то чего туда поедem? Ну ладно ты, у тебя бизнес с Василичем. А мы трое зачем?

АНТОН. Для массовой. Я говорил уже. Из нынешних гостей на прошлом дне рождения был только я и Петя. А вообще, гостей было более ста. Губернатор... Ну, и вся элита города. Отмечали в загородном доме... нет, наверное, лучше будет назвать – во дворце Васи-

лича. Гуляли три дня. Чего там только не было... Стриптизерши, балалаечники, цыгане, евреи. Даже группа какая-то западная очень известная. Сейчас не помню её названия.

БАСЯ. Да, шеф. Вы тогда изволили целую неделю на работу не являться.

АНТОН. Выпил бы ты залпом две пивные кружки коньяка. Я бы посмотрел, когда ты на работу пришел бы. Ну, так вот. Сейчас, когда Василич со всеми в городе поссорился, к нему на день рождения все испугались идти. И вы, милые мои, пойдете туда для того, чтобы совсем уж уныло этот праздник не прошел. Понятно?

ФЕДЯ. А почему он место такое странное выбрал?

АНТОН. Так из-за этого завода у Василича все неприятности и начались.

ФЕДЯ. Что за неприятности? Расскажи.

АНТОН. Вы что, про это место не в курсе?

ФЕДЯ. Я знаю, что вроде стремное очень что-то. Я, когда матери сказал, куда иду, она чего-то запричитала, начала какую-то ахинею про НЛО нести...

АНТОН. Придется просветить вас в этом вопросе. Ну, ладно, начну по порядку. Завод этот построили году в семьдесят седьмом. Был он очень секретный. Огорожен аж пятью рядами колючей проволоки. И охранял его целый взвод автоматчиков. В городе всем объяснили, что ходить туда и шляться там не надо, что будут стрелять без предупреждения. За первый год десяток алкашей, случайно туда забредших, пристрелили. Потом все всё поняли и ходить в это место никто даже и не думал. С самого начала был там директор. Обычный человек, только для такого поста уж больно молодой – ему еще и сорока не было. И еще одно. Был он как две капли воды похож на американского артиста – Роберта Де Ниро. Одно лицо – не отличишь. А в остальном – обычный советский директор на совершенно секретном объекте. И вот как-то секретарша приходит на работу к восьми утра, – а она всегда первая приходила, и видит: директор как-то неестественно на стол голову положил и не шевелится. Она к нему. Потрясла. Не шевелится. Она к начальнику охраны. Ну, выясняется, что директор помер. Увезли его и никому ничего не сказали. Отчего помер, к примеру. Сказали только, что скоро пришлют нового директора. Прислали нового. И вроде все наладилось. Но через месяц случилось вот что. Проходит новый директор с утра к своему кабинету, здоровается с секретаршей, открывает дверь и начинает орать: «Ирина Петровна! Почему посторонние в кабинете?» Она, испугавшись, подходит к двери, заглядывает в кабинет и падает в обморок. Короче, в кабинете сидит старый директор, – тот, который умер. Как ни в чем не бывало. Улыбается, песенки насвистывает. После этого завод весь эвакуировали. Пригнали туда полк... наверное, спецназовцев. В город начальства из Москвы немерено приехало. А через месяц завод этот просто оставили, без боя, как Кутузов Москву. Ушли, и всё. Народ туда начал наведываться, но ничего интересного там не нашел. Брошенный завод. Обычное дело для нашей необъятной Родины. И вот уже тридцать лет завод этот пустует. И тридцать лет его охраняет некий Кузмич – город обязали выставить на этот объект ночного сторожа. И ничего необычного вот уже тридцать лет не происходит.

ЛЕША. Антоний, по-моему, чушь это все собачья. Страшилка для подростков.

АНТОН. Ну, да... Только историю эту мне мать Лены рассказала...

ФЕДЯ. Ха. Ленкина мать таких историй штук сто знает. И рассказывает их непрерывно. И про город, и про родственников своих, и про себя. Причем, всем подряд. И знакомым, и незнакомым. Я как-то еще младшим школьником к Ленке зашел, ждал в гостинной, так мать её мне три такие истории рассказала. Я потом Ленку спросил: «На какой планете твоя мать живет?». Не верилось мне, малыцу, что такое на Земле может происходить.

«...и только русские люди относятся к смерти с легкомыслием, невиданным для западного цивилизованного мира. Сродни это отношению верованиям диким африканцев и азиатов некультирных, буддистов, язычников мусульманских и прочих народов, лишенных Слова

Божьего. В то время как в просвещенной Европе, Америке Святой ценность человеческой жизни приравнена к Абсолюту, и выше ценности этой нет ничего в мире подлунном, русские относятся к жизни своей, как к мелочи досадной, ничего не значащей, и убивают почему зря окружающих людей и себя, в том числе нигилистическим отношением к здоровью. Манипулируя ничего не значащими для европейца понятиями, такими как честь, любовь, совесть, русские на сегодняшний день низвели ценность человеческой жизни к самому минимальному показателю за все время существования этой никчемной нации...»

АНТОН. Но самое главное не в этом. Самое главное, что Василичу кто-то сказал, что завод этот находится в Центре Евразии.

ЛЕША. Центр Евразии вроде в Семипалатинске. Там и знак памятный стоит. Вычислить же географически не сложно: где центр, где не центр.

АНТОН. Логически – да. Но Василичу кто-то сказал, что такое серьезное место, как Центр Евразии, никто напоказ выставлять не будет, что просто так его не вычислишь и все такое. Кто-то знакомит Василича с сильно продвинутым астрологом и тот ему эти вычисления делает. И подтверждает, что Центр Евразии как раз на территории этого завода находится. Василич узнает у Губернатора нашего, сколько это все стоит. Оказывается – копейки. Соответственно, все это сразу же и покупается вместе с прилегающим лесом. Вот тут-то начинается самое интересное. Через месяц Губернатор прибегает к Василичу, падает в ноги и говорит: «Верни мне обратно завод, а я тебе за это что хочешь сделаю». Выясняется, что на Губернатора кто-то так надавил, что тот со страху аж дар речи потерял, и все бубнил – отдай, мол, завод, и все. Игорь Василич наш непрост оказался, стал выяснять: что да как. Ему объяснили, что, если проблем не хочешь, отдай завод и зарабатывай дальше денег, сколько сможешь, а он им говорит, типа, пошли все на фиг, я крутой. После этого всё и завертелось. Отобрали и в городе, и в области всё. Уголовные дела. Статьи в прессе. Телепередачи по ТВ. Ну, вы знаете... Потом все иностранные счета арестовали. Такого вообще никогда раньше не было. Иностранные фирмы вообще кристально белыми были. Тут он понял, что его какая-то запредельная сила мочит, и сдался. Говорит, отдам вам завод, только дайте там день рожденья справить. Там люди посоветовались и говорят: «ОК, справляй, отдавай завод – и все у тебя хорошо будет. Всё отдадим. Уголовные дела позакрываем, фирмы пооткрываем. Всё будет по-прежнему». Только мне кажется, Василич выкинет какой-то фортель напоследок.

ФЕДЯ. Так может, опасно ехать туда?

АНТОН. Нет. Не опасно. Всё уже договорено, обговорено. Сегодня Василич все бумаги по купле-продаже подписал. Тем более если бы опасно было – Васи на полкилометра не подошли бы. Они два месяца, пока проблемы были, носа на улицу не показывали. Толик в больнице, типа с язвой, лежал, Лёха вообще пропал, – думали, убили его. А как все закончилось, прибежали сразу: «Василич, чем помочь надо?». Козлы!

ЛЕША. А мы то что, в связи с вышесказанным, делать будем?

АНТОН. Я в Америку поеду. Вы со мной?

ВАСЯ. Антон, шутишь?

АНТОН. Нет, не шучу. Здесь делать через месяц будет нечего. Люди, которые на Василича наехали, ничего ему, естественно, не отдадут. Начнется серьезная буча. Так что нам валить надо.

ЛЕША. А чего в Америку? Давай в Ебург, снимем офис и вперед. Нам для нашей работы нужны компьютеры и ничего больше не нужно. Даже интернет не нужен. Я не поеду в Америку если серьезно. Зачем мне туда ехать? Не люблю я Америку. Народ там какой-то непонятный. Да мне ничего там не нравится. Фильмы, музыка, язык – всё не мое.

ФЕДЯ. Мне тоже Америка не нравится. Я Родину люблю.

ВАСЯ. (Внимательно смотрит на экран). Я тоже не поеду. Я бы поехал, если бы мне там что-нибудь поручили взорвать. Небоскреб, например. Или базу военную. Лучше ракетную часть с ядерными боеголовками. Враги там наши живут, Антон, их убивать надо, а не работать на них.

АНТОН. Жаль мне вас. Да и всех, кто здесь живет, жаль. Чего здесь может нравиться? Что в тюрьму могут посадить, что убить могут или избить в любую секунду? Что отобрать все могут? Выборов нет. Воруют все безбожно, бухают. Угрюмая, страшная страна. Вспомните, как в «Приюте» на бандюков нарвались. Ничего не делали, сидели спокойно. Просто пьяным ублюдкам развлечься захотелось. Если бы Толик случайно тогда не зашел, убили бы нас, как котят.

ЛЕША. В Америке что, лучше? Там всего того же самого хватает с избытком.

ФЕДЯ. И пристрелить могут, и в тюрьму.

АНТОН. Только я, в отличие от вас, пожил в Америке год. И я могу сказать, что более свободной страны я не видел. И, если ты не бандит, наркотиками не торгуешь, налоги платишь, то все хорошо будет. Живи – жизнью наслаждайся. Короче, вы как хотите, а я туда по рабочей визе через месяц-другой уеду. Если кто передумает, я готов помочь. Фирма одна есть «Один ГээМбэХа», у нее представительство в Штатах, работают по нашей теме, люди нужны. Так как я и немецкий, и английский в совершенстве знаю, а с владельцем компании Людвигом уже пять лет знаком, он меня туда зовет. Так что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.